

**СПЕЦИФИКА СОЗНАНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЙ
ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**SPECIFIC CONSCIOUSNESS
AND PERSONAL EXPERIENCES:
HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS**

*С. Н. Жеребцов,
кандидат психологических наук, доцент,
Институт психологии БГПУ (Минск, Беларусь)*

*S. N. Zherebtsov,
PhD, Associate Professor,
Institute of Psychology BSPU (Minsk, Belarus)*

Аннотация. Опираясь на культурно-историческую психологию, осуществляется попытка выявить общий корень сознания и переживания, точки распада и интеграции этих двух феноменов. Показано, что человек сознающий становится способным к рефлексивному переживанию, овладевает собой и своим внутренним миром. Эта линия развития акцентированно представлена в социальных практиках, к числу которых относится КПТ.

Ключевые слова: сознание; переживание; личность; культурно-историческая психология.

Annotation. Relying on cultural-historical psychology, an attempt is made to identify the common root of consciousness and experience, the points of decay and integration of these two phenomena. It is shown that a conscious person becomes capable of reflexive experience, takes possession of himself and his inner world. This line of development is emphasized in social practices, which include CBT.

Keywords: consciousness; experience; personality; cultural and historical psychology.

Л. С. Выготский в построении своей теории в значительной мере опирается на два понятия: «сознание» и «переживание». То, что переживание, с одной стороны, невозможно вне сознания, а с другой стороны, не является только осознаваемым, что сознание пристрастно (насыщенно переживаниями) – это исходный момент, который ориентирует нас на признание большого общего

смыслового пространства в содержании обсуждаемых понятий, а также на необходимость работы по конкретизации роли сознания в переживании личности и наоборот. Данную работу мы попытаемся провести на историческом материале, находясь в теоретической рамке культурно-исторической психологии. Она позволяет именно *в идее исторического развития* отследить общий корень сознания и переживания, точки распада и интеграции этих феноменов, что принципиально важно для реализации терапевтических стратегий.

Сразу зафиксируем ключевой тезис, который в разных аспектах на историческом материале будет развёрнут в этой статье и который во многом раскрывает проблему соотношения сознания и переживания: эмоциональная жизнь, как в филогенезе, так и в онтогенезе, проходит своё развитие по пути усиления совладания с нею, по пути превращения эмоций и разнообразных разрозненных реакций в рефлексивные переживания личности; с другой стороны, расширение и усложнение переживаний человека, их дифференциация и образование всевозможных систем и комплексов переживаний востребует высокого уровня организованности сознания личности, которая владеет всем этим внутренним богатством; сложность психологической организации сопряжена с её уязвимостью и распадом, который может иметь патологический характер, выступать причиной страданий. Таким образом, имеет место диалектика субъектности (осознанности) и субъективности (переживаний). Причём данная диалектика предзадана социокультурно и реализуется социально-психологическими механизмами.

При опоре на терминологию Б. Ф. Поршнева [1] в исторической динамике обнаруживается смещение акцента с суггестивных процессов (внушающее воздействие, побуждение подчиниться) на контрсуггестивные (встречное внушение, отсутствие реакции на суггестора). Внушение основано на заражении и подражании, которым могут противопоставляться контрзаражение и контрподражание. Но принципиально здесь следующее. Исторически одно без другого невозможно: *только через зависимость человека от принудительной силы коллек-*

тивных действий и представлений (через суггестию) приходит психическая независимость, субъектность (контрсуггестия), с чем и связано рождение внутреннего мира, мира переживаний.

Социальность, диалогизм переживания является возможным при всеобщности некоей системы, разделяемой индивидуумами, но во многих отношениях вступающих в противоречие с нею. Такую систему образуют логика, законы рационального мышления. «Мыслить логически, – пишет Э. Дюркгейм, – это на самом деле мыслить в той или иной мере безличным способом... Только в силу существования общества существует, кроме ощущений и индивидуальных образов, и система представлений, обладающих прямо чудесными свойствами: с помощью их люди понимают друг друга и одни умы проникают в другие» [2, с. 287]. Внутренняя жизнь есть результирующая непростого взаимодействия инстинктивно-потребностной чувственности и коммуникативно-рациональных стратегий. Внутренняя жизнь динамична, она в работе переживания претерпевает чудесные превращения именно в силу чудесности свойств функциональных органов (миф, речь, рациональные схемы, коллективные представления, образы и т.п.).

Всеобщее «духовное царство» организует жизнь внешнюю (социальную) и внутреннюю (субъектность, субъективность). Историческая тенденция трансформации переживаний заключается в уменьшении роли соматических и натуральных образований и увеличении культурных форм опыта. Телесное сращивается с культурным, образуя особое (человеческое) качество бытия. Однако это качество жизни способно трансформироваться в свою противоположность. Свообразными вехами в развитии безличного «духовного царства», как показали в середине XX в. М. Хоркхаймер и Т. Адорно [3] выступают магия, миф, математизированная наука, индустрия, бюрократия, тоталитарное государство. Как видим, безличное (или надличное) эволюционирует далеко не всегда в интересах человечности. «Всеобщность мысли, как её развивает дискурсивная логика, господство в сфере понятия выстраивается на фундаменте господства в действительности. В смене магического наследия,

древних диффузных представлений находит свое выражение понятийным единством структурируемая, приказным порядком устанавливаемая свободными людьми конституция жизни» [3, с. 28]. В ситуации, когда власть и познание выступают синонимами, в переживании абсолютизируется формально-логическое начало, оно тем самым теряет свою человечность, оно перестаёт быть экологичным природе человека; в культуре полезности человек превращается в средство, индивидуальность представляет угрозу для логически выстроенной системы. Чудесное превращение имеет и трагические исходы, когда артефакты, изделия в питаемой позитивизмом социальной системе репрессируют личное, живое.

В эпоху Античности недифференцированное архаическое видение жизни (как у Гомера, например) сменяется всё нарастающей противоречивостью архетипического и эмпирического планов жизни. В этом смысле культурное развитие (и человека, и общества) представляет собой необходимый путь развития от семьи к человечеству. Семья (род) представляет собой первичное звено по переработке чувственного материала в символы и стереотипы. Она выступает коллективным субъектом относительно простых переживаний, обусловленных несложной, нерасчленённой жизнедеятельностью (ситуация «пра-мы» по Выготскому). Эта линия «от социального – к индивидуальному», или «от социального организма – к личности» обладает генетической универсальностью, она прослеживается не только в «большой истории», но и в возрастном становлении личности. Именно в этом контексте Л. С. Выготский, оспаривая идею Ж. Пиаже об эгоцентризме ребёнка, говорит о социальности его раннего речемышления. Но социальность ребёнка, конечно, не та, которой обладает взрослый человек, она выступает как безальтернативная данность конкретного ситуативного поля сил, которое образует, например, семья. От этой социальной ситуации ребёнок не может отвлечься, не может осуществить абстракцию, т.к. его Я размыто, не имеет центра, является полым. Такой «социоцентризм» без индивидуальной позиции, способности её осознать и сменять другой позицией, очевидно, Ж. Пиаже и

называл «эгоцентризмом». Набором коллективных представлений, которые регулируют поведение и вызывают непосредственные эмоциональные реакции, обладает и первобытный человек. Появление слова, письма, других опосредователей создаёт внешнее зримое для субъекта пространство, с позиции которого создаётся-открывается пространство внутреннее. Рождение субъекта, таким образом, невозможно без рождения субъективности. Важна некая жизненная необходимость, чтобы доисторический человек своим усилием делал опосредователи применяемыми и конституировал ими себя.

Культурная специфика переживаний обуславливается ансамблем социальных практик и проявляется в них. Практики устанавливаются первоначально как способы организации совместной жизни, влияния на других людей, а затем – и как средства самоизменения, саморазвития, что нашло своё яркое проявление в системах эпикурейцев и стоиков. Социальные практики есть, конечно же, не просто «техники бытия» (Г. Томэ), но и приемы «практикования себя», есть «техники себя» (М. Фуко), способы «изменять себя в своём особом бытии и делать из своей жизни произведение, которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля. Эти «искусства существования», эти «техники себя», бесспорно, лишились какой-то части своего значения и своей автономии, когда с приходом христианства они были встроены в отправление пастырской власти, а затем, позже – в практики воспитательного, медицинского или психологического типа» [4, с. 280]. Как видим, способы самоуправления могут быть производными от самых разных социальных практик. Но при любом происхождении, когда в качестве источника выступают различные институциональные контексты, эти практики должны быть «встроены» в социально-психологический уровень бытия, осуществляться во взаимодействии с непосредственным окружением.

Не только индивидуальное сознание, но и научная логика, научный дискурс имеет социальную природу. «Греческий разум формировался не столько в ходе обращения людей с объектами, – пишет известный специалист по античности Ж. П. Вернан, –

сколько во взаимоотношениях самих людей. Он развивался не столько в связи с техникой, посредством которой воздействуют на внешний мир, сколько благодаря технике, которая воздействует на других и основным средством которой служит язык, а именно политике, риторике, дидактике. Иначе говоря, греческий разум был устремлен на воспитание, совершенствование и образование людей, а не на преобразование природы» [5, с. 158–159]. Всё это и позволило Ж. П. Вернану заключить: логический греческий ум – дитя полиса. Полис с его системой гражданского самоуправления выступил инкубатором не только многих великих философских идей и высокого греческого искусства, но и взрастил особые формы психологической жизни (логическое мышление, произвольная память, самоанализ, волевое действие, осмысленные поступки – всё то, что сопряжено с переживаниями осознающего себя человека).

Переживание становится наиболее полным переживанием по мере развития научного мышления. Выготским была акцентирована специфика научного понятия (как основы научного мышления) по отношению к понятию житейскому. Если житейское понятие есть результат «обобщения вещей», то научное понятие есть «обобщение мысли», оно проделывает путь от абстрактного к конкретному. Этот путь одновременно преобразует идущего: конкретизируется субъектность и осознанность переживаний, усиливается их произвольность и управляемость. С этого момента сознание и является динамической смысловой системой. Изменение смыслов всегда аффективно загружено. Поэтому, чтобы отнестись к чему-то иначе, необходимо переживание. Оно и должно быть представлено как процесс переосмысления или смыслообразования. Конечно, в этом процессе задействованы не отдельные функции, но их связи и отношения. Поэтому переживание, с одной стороны, выступает механизмом изменения способа межфункциональных связей, а с другой стороны, само является таким межфункциональным, интегративным механизмом. Показательно в этом отношении, что сознание Выготский определяет как «переживание переживаний» [6, с. 89]. При этом не будет ошибочным полагать, что

функциональным органом переживания является сознание, которое открывает не только мир внешний, но и внутренний (со всеми аффектами, потребностями, инстинктами и пр.). Неслучайно указание Л. С. Выготского: «за сознанием открывается жизнь» [6, с. 40].

С упадком греческих полисов принадлежность конкретного человека к различным группам устраняла ощущение безальтернативности и иллюзию простоты устройства мира. Так как каждая группа требует от своих членов специфические схемы поведения, и эти требования были не просто различными, но часто и взаимоисключающими в различных группах, то спецификацию своих установок, иерархизацию своих мотивов и даже радикальные внутренние изменения человек вынужден был осуществлять. В качестве средств для этого использовались как уже имеющиеся социальные жизненные модели, так и вырабатываемые им в процессе поисковой активности «эвристики». И если для Платона и Аристотеля «праведный человек» был немислим вне процветающего полиса, т.е. моральный и психологический мир человека был синкретичен общественному организму, то в александрийский период жизнь всё более приобретает индивидуалистические черты, люди оказываются обособленными и одинокими. «Самодостаточность человека уже не должна была больше основываться на целостности полиса; отныне путь к его спасению должен был раскрываться как личный и, таким образом, одинокий путь» [7, с. 59].

Подведём некоторые итоги. Специфика социально-экономических условий порождает специфические социально-психологические факторы, которые, преломляясь через уникальность внутреннего мира человека, выстраивают основания его идентичности, сознания и комплекса переживаний по поводу своего места в этой системе. Жизненная необходимость, уровень культурного развития сообщества и индивида, в данное сообщество включённого, определяет такой характер жизнедеятельности, который вызывает к жизни определённые психологические системы (функциональные органы). Т.е. связь переживаний и сознания не является постоянной: несмотря на то, что и сознание, и переживания «имеют одного хозяина» (В. Джеймс),

они определены контекстуально, т.е. жизненными задачами, встающими перед человеком, а также характеристиками самого человека как культурного существа. Переживания людей на заре истории и маленьких детей могут быть в известной степени непосредственными, преимущественно неосознаваемыми, реактивными. Их правильнее именовать даже не переживаниями, а эмоциями, эмоциональными реакциями. Но переживания современного взрослого человека, человека культуры в своём строении и в своём ведущем механизме опираются на сознательные процессы, прежде всего на рефлексии. Также как в примерах Выготского (для младшего школьника мыслить – значит помнить, а для подростка помнить – значит мыслить), для маленького ребёнка переживания в чрезвычайной степени ассоциативны (основаны на преобладающем процессе памяти), а у взрослого человека мышление как ведущий процесс определяет динамику и характер переживаний: они управляемы. Когда мы говорим о личности как субъекте переживаний и в целом психологической жизни, то важно понимать, что её целостность определяется именно сознанием.

Сознающая личность выстраивает картину мира, место человека в нём, образ себя. *Сознание является динамической смысловой системой, в которой особое место имеют «практики себя», т.е. человек использует себя в целом и своё тело как средство переживания, поведения. И в этой связи решающим в проблеме соотношения переживания и сознания выступает момент смыслообразования, а именно вопрос о том, какое место в смысловой системе личности занимает то или иное событие, факт жизни, потребности организма. В зависимости от того, субъектом чего (какой системы) осознаёт себя человек, то и определяет содержание и характер его переживаний. Это вопрос о том, как человек выбирает «обходиться» с данностями жизни посредством усвоенного им культурного опыта.*

Литература

1. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 131 с.

2. История психологии (10-е – 30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. – 2-е изд. / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 364 с.
3. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
4. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. – М.: Магистериум, Касталь, 1996. – 448 с.
5. Вернан, Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1988. – 224 с.
6. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
7. Миускович, Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 52–87.